

THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION IN TODAY'S COMPETITIVE INTERPRETATIONS OF SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES

N.N. Ponarina, PhD of Pedagogical, assistant professor of Social Work Social Education Institute, Armavir (branch) RSCU

In article the treatment of the term globalization foreign and domestic researchers within the limits of sociology and political science is analyzed. Are considered both positive, and globalization negative sides.

Key words: globalization, social coherence, social activity, social space, communication and information technology, global integration.

УДК 004

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

B.B. Ратиев, кандидат философских наук, заведующий кафедрой общих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Московского института экономики, менеджмента и права в г. Краснодаре

В статье охарактеризовано понятие «информационное общество», которое играет значительную роль в развитии и существовании нематериальной субстанции, условно именуемой «информацией», обладающей свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Выявлены особенности информационных процессов, сопровождающих развитие информационного общества на современном этапе.

Ключевые слова: информационное общество, информационные процессы, информационные модели, информационная среда.

Информационное общество как социальная, экономическая и культурная система стало объектом внимания исследователей уже с 1960-х гг., когда смена парадигмы эпохи уже не вызывала сомнения. В это же время конституировался и сам термин «информационное общество», введенный в научный оборот почти одновременно американскими и японскими исследователями.

Основным признаком и качественным параметром общества нового типа была признана особая роль знания и основанных на нем технологий, доминирование информации, ускорение технического прогресса, уменьшение доли материального производства в совокупном общественном продукте, развитие сектора услуг, повышение качества жизни [1, p. 13].

Формирование концепций информационного общества было обусловлено стремительными изменениями в технологической сфере, что привело к доминированию цивилизационного подхода к историческому процессу, позволяющему фиксировать различные стадии цивилизационного развития человечества по пути

технологического прогресса. Обоснование Д. Беллом существования доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества, С. Лэшем и С. Круксом – предмодернистского, модернистского и постмодернистского этапов социального развития, А. Тоффлером – первой, второй и третьей волны, П. Дракером – капиталистического и посткапиталистического общества, Р. Инглехартом – модернизации и постмодернизации, по существу, означало построение комплексной теории общественной эволюции, теории прогресса. Очевидно, что в границах обозначенных концепций акцентировались различные составляющие процессов развития – экономические, политические, информационно-технологические, социокультурные, что привело к развитию теории информационного общества, которая стала такой же влиятельной, как постиндустриальная концепция и концепция постмодернити [2].

Информационное пространство, в которое человечество вступило несколько десятилетий назад, соответствует принципиально новому состоянию культуры. Оценивая это состояние и

выделяя его качественные параметры, исследователи стремятся установить взаимную корреляцию между технологическим и культурным развитием общества. И здесь явно выделяются два подхода: информационно-технологический, в границах которого информация и способы ее трансляции становятся основной движущей силой прогресса, и культурологический, оценивающий культуру как первопричину развития общества и всех его систем. Если говорить о тенденциях развития научной мысли в данных направлениях, то можно констатировать постепенное утверждение второго подхода, начинающего выступать на равных с первым, тотально доминирующим вплоть до 1990-х гг.

Итак, в границах технологического подхода доминирует мысль о том, что технотронная революция накладывает свой отпечаток на характер образного восприятия действительности, стремящегося к глобальности, на специфику социальной жизни, стремящейся к фрагментации, на особенности формирования общностей, отказывающихся от национальных идеологий и опирающихся либо на глобальные, либо на узколокальные смыслы и ценности. В этом плане историю можно представить как специфический процесс развития информации, где содержание экономической, социальной и культурной составляющих напрямую связано с характером содержания коммуникации и качеством циркулирующего в этом обществе знания. Данная идея, по существу, составляет основу постиндустриальных и информационных концепций, рассматривающих исторический процесс в рамках цивилизационного подхода. Здесь каждый более эффективный способ передачи информации (начиная от устного слова, письменности, печатной эпохи и, наконец, электронной эры) рассматривается как более прогрессивный по отношению к предшествующему, а основная логика цивилизационного развития осмысливается в ее связи с процессом формирования социальными системами более оптимальных с точки зрения скорости и чистоты способов передачи сообщения. Все технологически неэффективные способы трансляции информации в границах этого концептуального построения выступают как устаревшие, обреченные на гибель. Причем доминирование новых технологий в «технотронном обществе», по мнению З. Бжезинского, дает новые возможности для дезинтеграции довольно устойчивых общественно-идеологических систем [3].

Одной из наиболее проработанных и известных концепций технологического детерминизма стала концепция М. Маклюэна, в рамках которой смена эпох в истории человечества рассматривается как зависящая от смены каналов коммуникации, где информационная эра (электронная «галактика Маркони») предстает как одна из стадий развития средств коммуникации, пришедшая на смену эпохам дописьмен-

ного варварства, фонетического письма и печатной «Гутенберговой галактики». Причем, если письменная коммуникация, кодифицированная в знаках алфавита, сменившая ороакустический способ общения, доминирующий на дописьменном этапе, «локализовывала» пространство и время, усиливая отчуждение, ликвидируя сопричастность отдельных индивидов к социальным процессам, то сегодняшние электронные системы, поставляя информацию о среде, «гармонизируют» человеческие отношения, превращая всю планету в «глобальную деревню». Аудиовизуальная эпоха, по словам Маклюэна, восстанавливает нарушенный оральным и визуальным типами культуры сенсорный баланс, равномерно и более «физиологично» распределяя нагрузку между зрением и слухом, а также позволяет человеку находиться в центре событий и естественно-эмоционально реагировать на событийность мира. Качественной спецификой современной стадии развития коммуникации является ее глобальность. Здесь превращение информации и коммуникации в производительную силу неизбежно приводит к выходу за пределы европейской социокультурной системы и подчинению новым глобальным тенденциям управления, связанным с преодолением национально-государственных границ и культурно-цивилизационных пространств.

Считая неправомерным трактовать информацию как экономическую сущность и теоретически оправдывать распространение товарных отношений на информационную сферу, М. Постер настаивает на том, что для адекватного понимания социальных отношений в эпоху конвергенции вычислительной техники и техники средств связи необходимо исследование изменений в структуре коммуникационного опыта. Однако, постулируя это основание осуществляемого им анализа социокультурной реальности, автор остается в границах маклюэновского подхода, выделяя такие ступени производства информации, как устно опосредованный обмен «лицом к лицу», письменный обмен, опосредованный печатью, и электронно-опосредованный обмен [4].

Аналогичный подход обосновывается и американским ученым Д. С. Робертсоном, который в своей работе «Информационная революция» прослеживает все этапы информационного развития общества. Автор доказывает, что принцип кодирования информации непосредственно влияет на уровень и качество знания, начиная от первой коммуникационной революции, связанной с формированием языка, и заканчивая последней — электронной, сетевой, и, по существу, определяет характер доминирующей на определенном историческом отрезке культуры. Так, прямое языковое общение дописьменной культуры определенным образом ограничивало уровень, объем, доступность и сферу функционирования знаний рамками родоплеменного сообщества.

Вторая информационная революция, связанная с изобретением письменности, означала существенный прорыв во всех областях культуры. Книгопечатание привело к третьей информационной революции, преобразовавшей производство (индустриальное общество), социум и культуру. Четвертая (связанная с изобретением электричества) и пятая (обусловленная возникновением микропроцессорной технологии) революции привели к возникновению общества, построенного на знаниях, в котором роль культуры «колоссально возросла». На работу Робертсона ссылаются и отечественный исследователь С. Ракилов, обосновывающий взаимосвязь истории, информации и культуры. Автор вслед за Д.С. Робертсоном прослеживает все этапы информационного развития и показывает влияние технологии на качество культуры и цивилизации. В частности, отмечая колоссальное увеличение объема памяти, а следовательно, знаний, связанное с изобретением письма, ученый показывает, что эта новая информационная система продуцировала новую технологию управления, ведущую к созданию государства. Таким образом, характер коммуникации, особенности доминирующих знаковых систем и тип формализации знания выступают в данных концепциях как основные детерминанты экономического развития, социальной организации и культуры.

Не оспаривая продуктивность этого подхода, акцентируем и иной аспект данной проблемы. Речь идет о том, что зависимость специфики социокультурной системы от коммуникационных технологий носит не односторонний характер. Как представляется, не информация влияет на эту систему (это верно, но лишь отчасти), а, наоборот, сама она вызывает к жизни те коммуникационные технологии, которые соответствуют ее потребностям. Не письмо порождает новую технологию управления и государство как иной тип экономической и социальной организации, а, напротив, возникновение государства с его дифференцированной системой знаний, единой религией и распространением единого закона на многие народы и этносы, обладающие различными языками, требующими их перевода, как правило, приводит к возникновению письменности [5].

К примеру, говоря о печатной эпохе и не отрицая того влияния, которое оказал новый печатный способ распространения информации на европейское общество и его экономику, считаем необходимым отметить, что приход эпохи Гутенберга был обусловлен всем ходом развития европейской цивилизации и формированием уже в XV в. тех ее качеств, которые нашли полное воплощение в культуре Нового времени с его гуманизмом, историзмом и рационализмом. Иначе как объяснить тот факт, что наборные способы производства текста были известны и ранее, но не привели к заметным социаль-

ным трансформациям? К примеру, в Китае станок для тиражирования иероглифического письма со сменными литерами был изобретен в XI в., между тем это событие не оказало столь существенного влияния на развитие восточной цивилизации. В Западной же Европе изобретение Гутенберга стало началом третьей информационной революции, по значению приравняемой к первой – формированию речи и второй – изобретению письменности. Молниеносное распространение типографского дела было обусловлено потребностями в массовом распространении информации, становящейся все более необходимой с ростом городов и развитием промышленного производства. С ее объемами уже не справлялись монастырские и городские скриптории, ответственные за переписку книг, летучие же листки, производимые техникой гравировки, не могли вместить в себя всю актуальную информацию. То есть потребности цивилизации, вступающей в более прогрессивную стадию социального и экономического развития, обусловили смену способа кодирования сообщения.

Таким образом, первичны все-таки не характер коммуникационного процесса, не способ передачи информации, определяющий особенности ее формализации и функционирования, а ориентация и задачи самой этой системы, определяющей способ коммуникации, а также качество и объем социально значимой информации. Причем, предметом анализа западных теоретиков становится сетевой характер информационной культуры: антииерархичность, нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм.

В качестве наиболее важной черты информационного общества исследователи выделяют его сетевой характер, замещающий прежнюю стратифицированную структуру, где доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Новая социальная морфология обществ, по словам М. Кастельса, составлена именно сетями, а «распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью». Принадлежность к определенным сетям, а также динамика одних сетей по отношению к другим служат важнейшим источником власти. Все это позволяет М. Кастельсу охарактеризовать современное общество как «общество сетевых структур, характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием» [6, с. 84].

Структура нового общества подобна структуре молекул. В индустриальном обществе основной экономической единицей была корпорация. Иерархическая командно-административная система уходит своими корнями в

бюрократические структуры церкви и армии аграрной эпохи...

Сегодня старые корпорации распадаются, вместо них появляются динамичные молекулы и скопления людей и организаций... Социальные структуры в обществе технологий подчиняются не иерархическим принципам, они основаны не на линейном соподчинении, но существуют как совокупность узлов, расположенных на самых различных уровнях власти и выполняющих функции центра.

«Сегодня строгая вертикальная иерархия», – как утверждает Э. Тоффлер, – «утрачивает свою эффективность, поскольку исчезают два основных условия ее успешного функционирования. Руководители сталкиваются со все более разнородными проблемами, и им при решении сложных технических и экономических вопросов приходится во все большей степени учитывать также политические, культурные и социальные аспекты. В то же время обратная связь с прежними уровнями становится все более неадекватной».

Сетевой принцип становится характерным и для структуризации мирового политического сообщества. Л. Туроу считает, что сегодня нет возможности говорить о современном мире как образце торжества западной модели развития, скорее он напоминает многополюсную систему, в которой не существует доминирующего центра силы, систему, характеризующуюся состоянием точечного (стохастического) равновесия. При этом функции основных узлов могут переходить от одних субъектов глобальной коммуникации к другим, причем сама сеть, превращаясь в «метасеть» (М. Кастельс) начинает проявлять способность к отключению второстепенных функций, подчинению социальных групп и «обесцениванию целых территорий» [7].

В значительной степени подобная социальная структура связана с доминированием тех принципов, которые имманентны сетевой организации информационных потоков, основанной на взаимоотношении узлов, содержание каждого из которых зависит от характера конкретной сетевой структуры. При этом конфигурация доминирующих процессов и функций в обществе определяется конфигурацией отношений между сетями, а также включением в сетевые структуры или исключением из них. Принципы информационной эффективности этой социальной системы отражает сформулированный М. Кастельсом закон сетевых структур, согласно которому «расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети» [8]. Сетевая культура оказывается полностью детерминированной способом кодификации информации, где само сообщение выступает как

«раскодировка среды, поскольку медиасистема настолько гибка, что адаптирована для послания любого сообщения любой аудитории» [9].

Сообщение в границах письменной традиции требовало адекватной его интерпретации и стремилось к минимизации «информационных шумов» при трансляции, сетевая же коммуникация, основным воплощением которой стал гипертекст, основывается на принципах плюральности, ризоматичности, индетерминизма, аксиологической и ценностной антииерархичности. Если письменный текст существовал как формализованное знание, то в медиасфере доминирует информация, представляющая формализованный семантический образ. Если ранее культурное пространство выступало как сегментированное, радиальное, центростремительное, то теперь ведущими становятся недифференцированные структуры с принципиальным отсутствием иерархичности и линейной детерминированности процессов и явлений [10, с. 494–495].

В новой ситуации границы между центром и периферией становятся проницаемыми, размытыми, а такие основополагающие для культуры модернизма понятия, как «культурное ядро» и «культурная матрица», теряют свой первоначальный смысл. Классическая культура структурировалась вокруг непрерывного поиска «единого», «бытия», «первоосновы», постклассическая же демонстрирует отсутствие генетической оси как глубинной структуры и изначально предполагает гетерогенность, антигенеалогичность, темпоральную изменчивость. Ведущим стал принцип множественности, уравнивания (семантического и аксиологического) всех входящих в культуру компонентов (мировоззрений, мироощущений, позиций), которое проецируется и на искусство, науку, политику, философию. Само же понятие истины как принципа соответствия знания объективному состоянию мира оказывается размытым и несвоевременным, неактуальным.

В заключение отметим, что культура информационного общества, по сравнению с культурой общества индустриального, обладает целым рядом особенностей: сетевым принципом функционирования и распространения, виртуальным характером, кратковременной, спонтанной, «бликовой» формой подачи информации. В границах данной культуры объективно изменяется значение и роль личности, активность которой фундируется не внешними побудительными стимулами деятельности, а преимущественно внутренними.

Более того, само становление этой системы оказывается обусловленным не только материальным прогрессом, но и изменением ценностных ориентаций личности, настроенной на творчество, развитие и самосовершенствование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *McLuhan M.* The Guttenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto, 1967.
2. *Poster M.* The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge: Polity Press, 1990.
3. *Robertson D.S.* The information revolution // *Communication Pres.* New York, 1990. Vol. 17, № 2.
4. *Ракитов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // *Вопросы философии.* 1994. № 4.
5. Аналогичную позицию отстаивал, как известно, и Макс Вебер, убедительно показавший, что не тип экономических отношений определяет характер культуры, а, напротив, культура (в данном случае – тип религии) детерминирует систему экономических отношений. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
6. *Ученова В.В., Старых Н.В.* История рекламы. 2-е изд. СПб., 2002.
7. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.

THEORETICAL ANALYSIS OF DEVELOPMENT PECULIARITIES OF MODERN INFORMATION PROCESSES

*V.V. Ratiev, PhD in Philosophy, Head of the
Department of General Humanitarian and Natural
Sciences of the affiliated branch of Moscow Institute
of Economics, Management and Law in Krasnodar*

The article describes the concept of «information society», which plays a significant role in the development and existence of an immaterial substance, conventionally referred to as "information", having the property of interaction with both the spiritual and the material world of a person. The article reveals specific features of information processes that accompany the development of information society at the present stage.

Key words: information society, information processes, information models, information environment.